

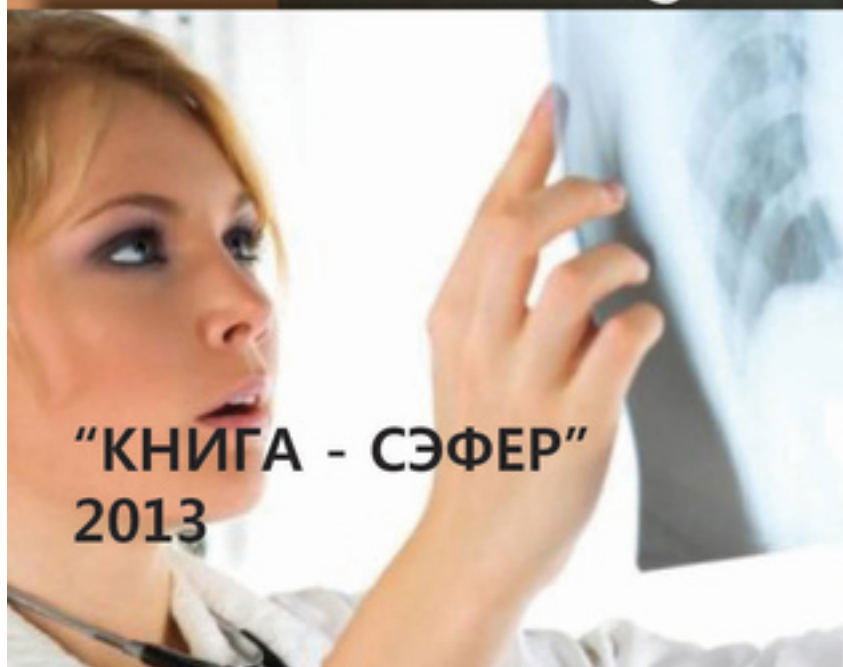

ЮЛИЙ
КРЕЛИН

У х о д

Хроники одной больницы

*Последние
дни
хирурга
Мишқина*

"КНИГА - СЭФЕР"
2013

Хроники одной больницы

Юлий Крелин

Уход

«Книга-Сэфер»

Крелин Ю. З.

Уход / Ю. З. Крелин — «Книга-Сэфер», — (Хроники одной больницы)

Окончание истории, начатой самым известным романом великолепного писателя, врача, публициста Юлия Крелина «Хирург». Доктор Мишкин, хирург от Бога, не гоняется за регалиями и карьерой, не ищет званий, его главная задача – спасение людей. От своей работы он получает удовлетворение и радость, но еще и горе и боль... Не всегда все удастся так, как хочется, но всегда надо делать так, как можешь, работать в полную силу. О нравственном и этическом выборе жизни обычного человека и пишет Крелин. Повесть рассказывает о болезни и последних днях жизни хирурга Мишкина – доктора Жадкевича. Прототипом главного героя был реальный человек, друг Ю. Крелина доктор Михаил Жадкевич. О нем рассказывается в книге – «Очень удачная жизнь»

© Крелин Ю. З.

© Книга-Сэфер

Юлий Крелин

Уход

©Юлий Крелин, наследники, 2013

©Илья Лиснянский, фотография, 2013

©Генеса Неплох, оформление, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Человек тридцать – тридцать пять сидели вокруг стола. Поминали старую еврейку, ушедшую три дня назад вслед за всеми своими родственниками: то ли те поторопились, то ли она припозднилась. Если, конечно, такие слова годятся, когда речь идет о смерти... К смерти почему-то вообще принято относиться с большим почтением, чем к жизни. Поминки, например, всегда и шикарнее, и шумнее крестин. И ничто по помпезности не сравнится с похоронами и гробницами.

Вообще-то у евреев никаких поминок не бывает. Просто семь дней траура – столько же, сколько понадобилось Ему на создание мира и отдых после. И люди приходят индивидуально – в течение семи дней: вместе с осиротевшей семьей и попечалятся, и помолятся. Можно и выпить, и поплакать. Но без коллектива – индивидуально. А у евреев до их ассимиляции обряды при рождении были как раз шумнее и ярче, чем быстрые похороны. Да кто об этом теперь помнит?! Ушел еще один цвет, пусть и не яркий, российского общества, создававшегося столетиями. И сегодня евреи, по древней языческой традиции, дружно и без особых неожиданностей гуляли тризну. Во всяком случае, русские евреи, атеистировавшиеся и ассимилировавшиеся бездумно и бессмысленно и так же бездумно и бессмысленно растерявшие большую часть своей культуры.

...Мишкин прихлебывал вино, поглядывал на соседей и размышлял, размышлял дальше.

Век XX – век разрушения казавшихся незыблемыми традиций. Наверное, это естественно при столь бурном развитии науки и всяких технологий. Новое не укладывается в старые привычки и правила. Вот и в медицине старики не всегда могут усвоить новое. Новому порой больше не нужны и многие умения, наработанные врачами, особенно хирургами, за прошлые... даже не века, а годы. Настоящей-то хирургии всего ведь чуть больше века. Когда-то незаменимы были «умные руки хирурга», а теперь, в середине 80-х, подавай оборудование, особые нитки да иголки, компьютеры – слово, которое он еще толком и не выучил. Раньше искали, *у кого* оперироваться, а нынче – *где*. Не руки и головы – инструменты да аппараты. Не личность, а коллектив – команда, как сейчас чаще говорят. Ох, как все сильно разрушено...

...Мишкин смотрел на собравшихся, думал о том, что старые традиции безвозвратно уходят, и вспоминал книги, описывавшие прошлое. Несмотря на занятость, он много читал.

Нет, пожалуй, в медицине не так все разрушительно – потому хотя бы, что он сам, Евгений Львович Мишкин, хирург с тридцатилетним стажем, еще кому-то нужен. Да и за религиозные обряды люди пока держатся, да только ведь не религией определяется сущность народа: религии-то у нас интернациональны. Вот разрушили сидящие здесь свои еврейские традиции, да только православие от этого не укрепилось... Скорее что-то общее засасывает и иудеев, и христиан... Глобализм...

(Впрочем, наш герой в своих мыслях вряд ли употребил именно это слово. Термин «глобализм» тогда еще не появился, но новая технология, развитие цивилизации уже работала.

Вначале было дело – слово возникло потом.) Так мысли Мишкина и метались между родной медициной, конфессиями и судьбами наций. Впрочем, ко всему, кроме родной хирургии, он относился с известным безразличием. Он и сам не знал, что это накатило на него сегодня: с чего это вдруг потянуло оплакивать традиции и правила всего своего родного. Может, под влиянием выпитого? «Ох, традиции, традиции, – думал он, – смешно все это. Похороны, скорбь – а я: „смешно“. Напился, что ли?»

Он обвел глазом стол. Как бы искал подтверждения своих полупьяных размышлений. Кто пил водку, кто вино. Автолюбители – воду разных видов и сортов. Всё вокруг было обычно, стандартно, как всегда. Сначала произносили речи об ушедшей бабушке, потом вспомнили ее покойного мужа, потом стали обращаться ко всем с призывами что-то и кого-то не забывать, потом потребовали помнить о чем-то неизбывном желании хранить память, помогать, ну и так далее. Потом было разрешено чокаться, поскольку стали пить за здоровье живых. Потом пошли тосты, не много имеющие общего с причиной, собравшей их всех за этим столом.

У Евгения Львовича не было машины, а потому пить ему было можно. Он предпочел красное сухое вино. Вообще-то непьющий, он был человеком книжным и когда-то вычитал, что к мясу подают красное сухое вино, а впереди было мясо. И он приготавливался.

Отдав покойной положенные слова и чувства, собравшиеся просто пили без оглядок на ушедшее... ушедшую и без мыслей о будущем. Грех понятие относительное, к тому же понимаемое по-разному – в зависимости от тех воззрений, которых в силу разных исторических причин придерживались твои предки. А разве не грех жить праведно в расчете на будущую награду за безгрешность – вечный там рай или что-либо подобное? Нет, надо просто жить безгрешно – не потому что на что-то надеешься, а потому что просто знаешь, что «нельзя» – и всё... Вот как родители любят своего ребенка, даже плохого – ни на что уже не надеясь... Может, и Бог нас так же любит... Любит и плохих, и... Но счет ведет...

Евгений Львович почувствовал, что запутался. Думая о своем, он совершенно отвлекся от общего шума и пустых застольных разговоров и теперь с досадой осознавал, что его собственные мысли не менее пустопорожни, чем окружающий словесный мусор. Кажется, он все-таки выпил больше, чем позволял себе обычно. Да-да, почти бутылку сухого красного вина, стало быть около семисот грамм... Многовато, надо же!

Закончив подсчет выпитого, Мишкин заметил, что гости понемногу расходятся. Стало быть, можно откланяться и ему. Разумеется, он оставался трезвым и домой уехал во вполне нормальном состоянии. И думал уже только о том, что день прошел и охота спать.

* * *

Однако утром...

Нет-нет, утром он был в полном порядке. И, приняв душ, наскоро выпил чашечку кофе и, привычно быстро переставляя непомерно длинные ноги, хирург Мишкин двинулся в место своего истинного существования – в больницу.

Сегодня предстояла большая операция – резекция поджелудочной железы. В головке поджелудочной – рак, вследствие чего у больного желтуха, а стало быть, одновременно придется удалять и часть желудка с двенадцатиперстной кишкой, соединять желчные протоки с кишкой, так что ожидается большое количество сложных сшиваний – желчных путей, желудка, железы с разными участками кишки. Работы много и опасностей на пути ее предостаточно.

Евгений Львович шел быстро и, конечно, не обдумывая по дороге будущий свой *оперативный подвиг*, ибо все давно известно и размышлять придется по ходу дела – в зависимости от находок, которые заранее не могут быть предвидены. Мишкин очень страшился, когда операция становилась действием, а то и священнодействием, в самом деле превращаясь в подвиг. У настоящего профессионала операция любой тяжести не должна ассоциироваться с героизмом.

Нормальная работа, нормальная жизнь чужаются подвигов – жизнь и работа тогда полноценны и хороши, когда построены на рутине, а не на эксцессах. Иные хирурги говорят, будто перед большой операцией они ночами думают о предстоящем и будто волнуются при этом безмерно. Может быть, может быть... Может, так и бывает в начале пути, но Евгений Львович уже значительно понаторел в своей родной стихии и время на пустые размышления и переживания не тратил: рутина. Опыт... Простой личный опыт превращает в рутину когда-то бывшие героическими деяния. С другой стороны, опыт – это и шоры; привычка – не надежда, а точная уверенность в тропе, на которую ступил. Даже если дорожка это лишь на сегодняшний день – раньше-то уже ходил по ней. А более, так сказать, глобально, опыт – это когда раньше было хорошо и впредь надо так же, как раньше. А раньше «хорошо» было много, ибо тогда был молод, полон сил, а то, что сейчас... Нынешние недовольства – чаще всего ностальгия по молодости.

Размышляя, Евгений Львович, как всегда, укатился от первоначальной заботы. И опять от мировых проблем вернулся к их первоисточнику – проблемам сегодняшним.

Да, именно: рак так рак, желтуха так желтуха, железа так железа... Он любил операции в этой области тела и всегда с удовольствием без излишних тревожений приступал к привычному, более того, любимому делу. Ни чувства жалости, ни каких-либо дум о судьбе больного не было. И во время операции он, хирург-виртуоз, будет наслаждаться красотой работы – красотой отделения пораженных органов и участков от целого организма, красотой нарушения целостности этого самого организма и предчувствием новой – высшей на этот момент красоты – красоты и радости от восстановления утраченной целостности, но уже без пожарного очага, грозившего недалекой смертью. От восстановления гармонии. Красота тоже должна быть (хотелось бы!) рутиной нашей жизни. А вот если неудача, если невозможно будет удалить этот злополучный рак – вот тогда и родятся стенания, жалость и думы о дальнейшей судьбе больного. Еще перед операцией это был пациент, если хотите, даже клиент, объект действий хирурга; а после – если не сумеешь ему помочь, вот тогда и появляется страдающий человек, которого жалко, которого надо нежить и ласкать, отвлекая от грядущих тягот, боли и неминуемости. Вот тут-то кончается для врача рутина, кончается нормальное, обычное течение жизни (что же касается больного, для него рутинное существование кончилось уже давно – с первыми признаками болезни). Тут уж патронов не жалеть – тут уж нечего бояться сделать из него наркомана. Но вот теперь-то и начнется борьба с разными инстанциями – от медицины до МВД, которые будут сетовать на слишком часто применение наркотиков. К сожалению, и это стало рутиной. «У нас так рьяно следят, как медицина работает с наркотиками, – невесело усмехнулся Мишкин, – будто главный источник наркомании в стране – это мы».

Евгений Львович был сторонником легализации наркотиков. Пожалуйста, колитесь! Разреши наркотики, считал он, и уйдут наркодельцы, наркоконтрабандисты, а значит, и охранники правопорядка, гоняющиеся по всему миру в поисках всех перечисленных, исчезнут высокооплачиваемые сторожа полей, где растут разные зелья, прекратят свое существование тайные заводы. Уйдет сладость запретного плода. Сохранятся деньги, которые уходят на бессмысленную борьбу. Получат несчастные наркоманы возможность пользоваться отдельными шприцами, а стало быть, уменьшится вероятность заражения СПИДом и гепатитом. Но ведь сколько людей кормится на запретах! На всех уровнях. Разве они дадут всю их выгоду бросить кошке под хвост?.. Эти люди будут вести самоотверженную борьбу за свои карманы. Тут уж все жаждут героических деяний. Обе стороны. А нужна спокойная, взвешенная рутина... И ведь известно, что «сухой закон» приводит лишь к обратному от, казалось бы, разумеющейся пользы.

Да уж ладно! Евгений Львович – уже в операционной, уже «намытый», уже подходит к столу. Все его помощники, как обычно, уже стоят на подставочках, потому как с ростом хирурга Мишкина трудно тягаться, и, чтобы быть с ним вровень, приходится становиться на

скамеечки – ведь больной, что уже введен в наркоз, тоже поднят на столе слишком высоко – в соответствии с долговязостью хирурга.

Операция длилась около трех часов. Чуть больше или меньше, какая разница, больной-то все равно спит. Это же каждая минута несвободы горька и тяжела, а спящему страдальцу... Операция прошла удачно, и Евгений Львович уже говорил, что пациента сейчас нужно уложить так-то и так-то, сделать ему то-то и то-то и прочее, что казалось ему важным для укрепления их общего успеха – его, ассистентов, анестезиологов и вообще всех находившихся в операционной. Делал вроде бы и совсем уж лишние телодвижения, нагнетая в себе то *тепло тела*, от которого, как поговаривали коллеги, больные у Мишкина при прочем равном выздоравливали чаще, чем у других.

Больной уже в реанимации, а вся команда сидит в кабинете у Евгения Львовича, все собрались выпить горячего сладкого чая ни с чем. Хорошо, что не жарко. *Сам* расположился на диванчике у журнального столика, вдвинув свои «шлагбаумы» (коллеги называли так ноги шефа, потому что любил он их перекидывать через весь кабинет, когда перекрывая вход, а когда и наоборот – препятствуя уходу) под письменный стол у противоположной стены. У другого края столика сидит один из помощников хирурга. Это уже второе поколение соратников и, безусловно, учеников Мишкина. Первое поколение давно расплзлось кто куда – кто-то уже профессор, кто-то главный хирург какой-нибудь больницы или целой системы нашего смешного и славного здравоохранения, кто-то заведующий отделением, а кто-то поторопился и уже умер. Наступило время, когда иные из друзей-коллег Мишкина будут ему звонить и писать письма издалека – да не из лагерей, как было совсем недавно, а из-за бугра, где кому-то удалось продемонстрировать навыки, приобретенные у Евгения Львовича.

А многие навыки большого хирурга сейчас уже прошлое и не очень-то нужны нынче, когда оперируют через маленькие дырочки, в которые вводят оптику и инструменты. Уже не руки главное, а инструмент, аппарат. Уже не имеют значения пальцы, осязание при ощупывании больного органа и связи его с окружением. Уже нет веры просто глазу: теперь увеличенное изображение, бегущее по стекловолоконным путям, дает информацию на экран. Но это пока еще только *там*, за бугром и лишь постепенно приходит в нашу страну. И пока еще навыки Мишкина на высоте, пока еще он король.

Все разместились в кабинете шефа: кто на диване, кто на стуле сбоку от начальственного стола, а один даже сел в кресло *Самого*, где по идее должен бы восседать Мишкин, изображая ну пусть не сурового, а скажем, хотя бы строго справедливого хозяина. Но Евгений Львович не любил сидеть в этом функциональном кресле, а предпочитал диван, на котором сейчас и пребывал и откуда обыкновенно вершил все дела отделения – от чистоты коридора, палат, туалетов и белья до судеб тех людей, кому волей несчастья посчастливилось попасть на вверенные Мишкину кровати. Да, сюда попадают не от хорошей жизни. Но судьба слепа, и порой беда оборачивается удачей и приводит страдальцев в руки Евгения Львовича.

– Ну, что, начальник, по рюмочке чая? – объявил свободный треп, а стало быть, и послеоперационную (точнее – межоперационную) передышку старший ординатор отделения Илья Иосифович.

– Чего спрашиваешь? Разумеется. Начинай, Осич!

Невысокий лысоватый Илья как бы нехотя потянулся, встал, спрямив острые углы коленок, и пошел в угол кабинета к раковине. В те годы воду в чайник наливали прямо из-под крана, еще не думая ни об экологической чистоте питья, ни о фильтрующих аппаратах: течет – и слава Богу. А еще совсем недавно черпали воду из реки и считали достаточным факт точности. Но сознание определяет и меняет бытие – от речек, прудов и луж отошли, узнав про микробов, теперь пытаемся уйти и от водопровода, которым еще совсем недавно так хвалились, поскольку нынче все без исключения прочли и про соли, и про тяжелые металлы...

А Илья тем временем включил чайник, наполненный водопроводной водой, думая в прежних жизненных категориях, что любая вода здоровью не помеха.

Чуть менее росточком и чуть круглее, еще один ординатор, Василий Ефимович, извлек из ящика стола стаканы, собственно чай, сахар и так далее. А Игорь Михайлович сходил в кормушку для больных и сшиб маненько хлебушка для всей бригады.

– А икра, черт с ней, пусть будет черная, – усмехнулся заведующий.

– Так и маслица желтого не надывал. Больной нынче прожорлив стал – ничего не осталось. – Игорь прикурил сигарету. – Ограничимся табачком.

Первый же глоток горячего принес настоящую расслабуху. Илья с выражением блаженства поднял взгляд на шефа и вдруг поперхнулся чаем:

– Евгений Львович, а что это глаза у вас – вроде желтые?

Евгений Львович откинулся на спинку дивана, глубже сесть уже было невозможно, и насмешливо взглянул на сотоварища:

– Это, Осич, твои китайские гены заставляют на все смотреть сквозь желтизну.

Игорь подхватил:

– Какие там китайские? Чисто татарские гены!

– Да ладно вам. Я серьезно. Ребята, поглядите его глаза.

Евгений Львович состроил гримасу улыбки, вытараскал очи и подвинул лицо к сидящему ближе Игорю.

– Ой! Правда!

– Что правда?

– Желтые... Ничего не болит?

Все всполошились, стали по очереди рассматривать глаза начальника. *Сам* поначалу посмеивался, но вдруг лицо его посуровело, улыбка исчезла:

– Ну, ладно чудить. Зеркало дай. Над раковиной, сними со стенки.

Треп прекратился. Все замерли – начальник диагностировал свою возможную болезнь. Евгений Львович недолго оттягивал вниз веки, рассматривая белки. Молча встал и повесил зеркало на месте.

Все молчали. И он молчал. И потом медленно, раздумчиво:

– И более никаких не было...

Опять замолчал, и все настороженно молчали. Долго прикуривал от зажигалки, как-то услужливо-испуганно протянутой Игорем. Наконец сказал:

– Не надо было столько пить вчера. Цирроз печени.

Вслух никто не отреагировал. Вася переглянулся с Игорем. Илья уткнулся в ладони, прикрывая зажигалку и сигарету. Будто ветер. Но ни сквознячка. А потом все-таки буркнул:

– Ну ладно! Сколько вы там выпили?

– Бутылку.

– Сухого?

– Ну.

– Чего уж...

– А прошлые годы...

Вася под столом двинул Илью ногой. Тот поперхнулся и не сказал каких-то слов, уже, по-видимому, висевших на языке... или в мозгу... А ведь действительно, пусть лучше думает, что цирроз. Да уж держи карман шире – именно так он и думает! Будто меньше их понимает. И всё же так легче всем. Есть что сказать. А другое... Нет уж, лучше молчать.

Евгений Львович взглянул на своего первого помощника и усмехнулся:

– Не горячись, Илья! Еще посмотрим. Пошли в реанимацию. У меня еще сегодня холецистит. Впрочем, не *у меня*. В возникшей ситуации правильнее будет сказать: «мне еще надо

сделать сегодня одну холецистэктомию». – Мишкин немножко неестественно засмеялся, но на сей раз никто не подхватил смех начальника.

Оперировал он как всегда. Будто ничего отвлекающего от повседневности не возникло. Впрочем, может, на сей раз меньше вел пустых разговоров. Обычно-то всегда что-то болтал по ходу дела, а то и песенку мурлыкал, если операция проходила без случайностей. А сегодня как раз всё шло как по рельсам, но он молчал.

После операции, не сказав своей свите ничего, Мишкин отправился в отделение ультразвуковой диагностики.

- Девочки, посмотрите меня.
- Что смотреть, Евгений Львович?
- Желтуха, говорят. Что смотреть?! Вот и смотрите.
- Ой, правда! Глаза желтые.

Мишкин молча лег, обнажив живот. Две женщины склонились над ним, разглаживая живот датчиком. Евгений Львович тоже скосил взор на экран, где в треугольнике что-то мерцало и двигалось. Он вновь подумал, как быстро меняется жизнь. То ли дело раньше – посмотрел на больного, пощупал, постучал. А теперь... Теперь всё по-другому. Всё меньше и меньше играют роль киты, на которых спокон века держались обследование и диагностика – анамнез, аускультация, пальпация, перкуссия. Слова-то какие красивые! Анамнез – разговор с больным, расспрос и выяснение, когда вылезает порой не только болезнь, но и душа пациента. Помогало врачеванию, контакту, так сказать, с объектом лечения. А теперь говорят, что больной своими словами может как-то не так настроить врача и запутать его – лучше объективные показания аппаратов. Аускультация – выслушивание трубкой, фонендоскопом. Висящая на шее трубка и сегодня остается врачебным символом, как бы подтверждает принадлежность к касте. Корифеи медицины когда-то говорили, что фонендоскоп надо подбирать к ушам – выбирать, как франт выбирает себе шляпу. Тогда выслушивать легче и надежнее. А зачем сейчас вообще что-то выслушивать – посмотри на рентген и все увидишь. Слушать сердце! – сколько аппаратуры есть, чтобы понять сердечные беды. Даже давление можно мерить без трубки, без ртутного столба, без манометра – прицепил прищепку куда-нибудь на палец и смотри себе, какие цифры выскочат на экранчик. А пальпация – ощупывание, перкуссия – простукивание... Когда-то мы читали старых врачей о красоте движения, о чуткости рук, ощупывающих или выстукивающих больную область, и о том, как много сведений все это дает искусному лекарю. Всё в работе – осязание, слух... А теперь смотрит Мишкин на холодное мерцание монитора, видит некие изменения – и ни к чему это искусство ощупывания. Уходит в небытие красота медицины, искусство врачевания, нужда в классных специалистах. В таких звездах, как Мишкин. Но жизнь-то продолжается и улучшается. А? Больным-то, наверное, лучше. А? Но это будет еще. Это все-таки будущее. Сегодня все же без мишкиных не обойтись. Пока что не обойтись. Последние времена звезд медицины.

- Не совсем ясная картина, Евгений Львович. Покажем начальнику своему?
- Боитесь ответственности? Ладно, но пока никому не говорите.
- В отделении он встретил Илью:
- Гале ничего не говори.
- Она же врач. Сама увидит.
- Увидит, тогда и поговорим. И запомни: у меня цирроз. Алкогольный цирроз.
- Не смешите.
- Ну вот так. Понял?!

Евгений Львович пошел домой. Что там его ждет? И Галя врач, и сын. Хорошо, хоть Сашки сейчас не будет – они с женой живут отдельно.

* * *

Дома.

– Жень, привет. Давай быстро поедим. Все уже на столе. Я еще в магазин хочу сбегать. Саша с Леной обещали прийти. Что-нибудь к чаю. В магазинах совсем пусто.

– Нечего и бежать тогда. Сами принесут.

– Господи, да откуда у Сашки деньги?! Забыл, что ли, какие мы были первые годы после института?

– То-то сейчас ты разбогатела!

– Всё-таки не так, как у них.

– Делай, как знаешь. Смотри, жир в супе прямо плавает.

– И всегда так. Чего это ты?.. Ну-ка, ну-ка! Посмотри на меня...

– Ну, ладно. Давай лучше поедим побыстрее.

– Постой. Что глаза-то у тебя желтые? Болит чего, Жень? Поэтому и жира боишься?

– Да ладно тебе. Всё нормально. Выпил вчера бутылку сухого. Печень и разыгралась, наверно.

– От бутылки сухого? Не дури!.. Но... Хорошо, хорошо...

Обед прошел в необычном для этого дома молчании. Галя время от времени кидала взгляд на Женины глаза, но он не отрывал их от стола. То ли специально прятал, то ли думал о чем-то... Обдумывал. Думала и Галя. Им, врачам, есть о чем подумать в такой ситуации. Хорошо не понимающим, истинно сказано: многие знания – многие печали.

Каждый раскидывал разные возможности.

Желтуха без болей может быть гепатитом, циррозом и... Да если и рак... Может, поджелудочная железа? Такой рак Мишкин сегодня победил... Правда, только на первом этапе... Что еще скажет нам завтрашний день, первые десять – двенадцать суток, потом первые полгода, год... последующие годы... Если победа состоится и годы эти будут... Так раздумывал Женя. «А ведь может быть опухоль в месте выхода протока в кишку. Это лучше. Операция более надежна. Да только такая опухоль выявляется сразу желтухой без каких-либо признаков до этого. А, если подумать, последние месяцы меня все же ломало. Списывал на усталость, жару. Так удобней... Печень? Метастазы в нее откуда-нибудь... Это сразу отбросим – надо ставить диагноз, который дает возможность лечить. Если метастазы в печень – тогда лечить нечего».

«Боже, боже мой! Что же это?! Может, правда цирроз? Алкогольный? Бред! Он никогда много не пил. Гепатита у него в прошлом не было... Откуда цирроз?! Да и раньше бы начался... Впрочем, – Галя думала более сумбурно и непоследовательно, но неминуемо должна была прийти к печальному выводу. Врач же, и неплохой. – Может, гепатит? Надо кровь взять. Он, наверное, что-то уже сделал... Да ведь не спросишь. Сейчас пошлет и скажет, что все необходимое он сам... и так далее. Нет, нет... Что-то надо делать срочно. Дождусь Сашку. А если гепатит, так в больницу, в инфекцию?.. Да какой это гепатит, черт возьми!»

Они закончили обед. И разумеется, в своих размышлениях ни на чем не остановились – и прежде всего потому, что останавливаться, ставить точку было страшно. Гале было страшнее.

– Чай потом, Жень? Дождемся детей?

– Угу.

Галя уткнулась в раковину, в грязную посуду – иллюзия занятости, простор для раздумья. Женя ушел в комнату, сел в кресло, взял в руки первую попавшуюся книгу, включил телевизор... но не смотрел ни в раскрытую книгу, ни в мерцающий и тихо звучащий экран.

Оба были при деле.

Надолго?

Оба ждали Сашу. А что Саша? Юнец! Только что кончивший врач. Но ведь эти юнцы порой знают больше стариков, которые прикрываются опытом, а новые знания в них уже плохо умещаются – то новое, что только выучивали... проходили эти ребята в институтах. Юнец – а уже диссертация готова и скоро ее защищать будет. Конечно, диссертация – это еще не всё для врача, который лечит, а не наукой занимается. Для врачей важен опыт. Одни знания – это еще очень мало. Вот и надо совмещать.

У Саши свой ключ, и старшие не слышали, как он вошел. Вода и громыхающая под руками Гали посуда прикрыли Сашино появление. Он объявился перед отцом внезапно, словно чертик из табакерки.

– Когда ты вошел? Я что – заснул, что ли? Ты один?

– Обычное родительское дело – с ходу завалить вопросами, причем не требующими обязательного ответа.

Мишкин усмехнулся:

– Обычное сыновье дело – иронически встречать отцовские вопросы. А все же, где Лена?

– Подойдет. Едет из своей больницы.

Услышав голоса, вошла Галя:

– Ты один?

Усмехнулись оба.

Старшие оттягивали обсуждение. То ли ждать Лену – тоже ведь доктор, то ли быстрее выложить заботу. Мишкин решил дотянуть до момента, когда сын сам увидит злоеущий симптом. Галя вопросительно смотрела на мужа: не пора ли начать разговор. И все ждали. Но у хозяйки всегда есть запасной путь для начала беседы:

– Саш, будешь есть или вместе с Леной?

– Я обедал. Чайку дадите, когда Лена придет? Да, я мороженое принес. Мам, положи в холодильник. Чего читаешь, отец? «Механическая желтуха»! Господи, старье-то какое! Что тут может быть для тебя интересного?

Мишкин взглянул на сына. Саша осекся и вытаращил глаза. «Механическая желтуха!» – непроизвольно пронеслось в голове у Саши. Механическая желтуха. Как он не увидел сразу?!. Не посмотрел даже! А теперь увидел... Взглянул и увидел. Оттого и глаза вытаращил. В испуге глаза таращат. Или от удивления. А сейчас были обе причины. Впрочем, в испуге всегда есть элемент удивления.

– Ты что?! Когда это?

– Сегодня заметили. Вот выпил вчера...

– Ну, ладно. А серьезно? Последнее время ничего не было? Болей, недомоганий?

Странные люди врачи. То они хотят скрыть от больного страшный диагноз, то, опровергая доводы собеседника, сами подталкивают его к печальной истине. Нет чтоб поддержать идею алкогольного цирроза... Непроизвольная тяга показать себя грамотным, умным? Ум-то есть, знания... Мудрости не хватает. Ладно Мишкин, который сам все понимает... Впрочем, неизвестно, что в этой ситуации лучше. Жизнь покажет.

– Все грамотные, – проворчал Мишкин. – Все спрашивают одно и то же.

– Естественно. Если врачи.

– Ну вот и отвечаю: нет. Не было ничего. Если придирается, то пару месяцев устаю больше, чем всегда. Но годы-то идут. Нормально.

Пришла Лена. Вернулась с кухни Галя. Состоялся семейный консилиум, который возглавил сам больной. Всем все было ясно, и всем не хотелось этой ясности. Наиболее вероятного фатального диагноза никто не называл. Лена обещала завтра договориться у себя в клинике о компьютерной томографии. В то время у нас аппаратура, которой давным-давно пользовались в цивилизованных странах, была еще почти недостижимой для нормального больного без больших связей или больших денег. Впрочем, нам ли привыкать?! И ведь ничего – работаем,

и смертность у нас в результате лечений не больше, чем у них. Вот в результате жизни... так называемой здоровой жизни... Впрочем, не надо об этом...

– Евгений Львович, – предложила Лена, – давайте не будем пока никому ничего говорить, займемся пока исследованиями, поставим диагноз.

– Леночка! По-моему, прятать болезни – это быдлярская привычка. Да и куда ты тут спрячешься, ведь желтуха-то наглядна?! В конце концов таково решение судьбы. Даже если рак...

Слово наконец произнесено – словно тяжелый камень отвалился. И все поняли, насколько теперь легче будет говорить о предполагаемых действиях, планах...

– Даже если рак, – продолжал Мишкин, – тем активнее включатся друзья. Девочка моя, без друзей никуда. Это то небольшое, что мы выбираем сами. И за ошибки при этом сами и должны отвечать. Всё. А дальше работайте вы.

Дети уехали, чтобы начать действовать у себя. Что поделаешь, их клиники и институты не в пример богаче простой городской больницы Евгения Львовича. Хотя многие пациенты, пренебрегая подобными высокими учреждениями, приезжали оперироваться все-таки именно к Мишкину. Но это ж операции – не планомерное лечение. Спокойное, медленное лечение всегда труднее, чем стремительное, «военно-революционное» вмешательство хирургов. Да и вообще все медленное, эволюционное труднее, но надежнее. Хирургия, в какой бы области к ней ни приходилось прибегать, всегда от плохой жизни – либо где-то что-то запустили, либо чего-то не умеют, а то и совсем не понимают.

Евгений Львович всегда мечтал, что вырастет Саша, выучится всем новым придумкам, прибамбасам, чудачествам науки и придет к ним в больницу, сменит отца и станет заведовать его отделением. Еще недавно большевики боролись с подобным династизмом в интеллигентских сферах и называли его уничижительно «семейственностью». Правда, если дело касалось рабочих специальностей – скажем, сталевар, кузнец или тракторист, тогда гордо: «династия». В последние годы стали возвращаться к династиям везде. Уже поощряли детей, поступающих в вузы, где учились их отцы. Преемственность в профессии, преемственность в должности – сродни преемственности на троне. В наследовании власти, кстати, есть нечто положительное: приходится ведь готовить будущего монарха к управлению державой, от колыбели учить его рулить страной, как это было, например, у нас в России. И умирая, царь понимал – должен был понимать, что хозяйство потомку надо отдать в хорошем виде, чтобы легче было сидеть на престоле. Беда только, что не место делает человека, а ровно наоборот. Хотя и место как-то управляет, обязывает. И, рассуждая обо всем этом, потомственный врач Мишкин не видел ничего скверного, если мальчик его *когда-нибудь* унаследует дело отца. Теперь же, когда это далекое «когда-нибудь» неожиданно придвинулось вплотную, мысли о наследстве, о наследниках, о деле всей жизни, о детях вдруг повалили неудержимо. Да, а как же иначе при том, что открывается перед ним... перед сыном, Галей... да и отделением – ведь и оно его детище... Уже и не о себе... А жить-то хочется. Уходить рано...

* * *

Вот и закончился этап диагностики. Блат, связи, дружба, любовь и уважение – все в человеческих взаимоотношениях было использовано на этом этапе. Кроме денег – потому что, во-первых, Мишкина в медицинских кругах знали и любили, а во-вторых, все равно не было ни рубля, кроме тех, чтоб дотянуть до очередной зарплаты. Тридцать лет оголтелого оперирования не дали ни копейки сбережений. Он жил еще в старой российско-советской цивилизации, основанной на системе распределения, льгот и знакомств, а к концу жизни оказался в системе зарабатывания, где отсутствие накоплений и есть основное нарушение законов существования. Еще продолжали действовать, правда, изрядно поколебавшиеся дружеские связи на основании душевной тяги, с одной стороны, и схемы «я тебе – ты мне», с другой. Галя, Саша и Лена успели

использовать почти совсем исчезнувшие каналы такого *кумовства*, как говорили прежде, и Мишкин прошел все виды доступной в стране ультразвуковой диагностики, рентгенокомпьютерной, лабораторной... ну буквально всё!

Деваться было некуда: рак головки поджелудочной железы!

Евгению Львовичу сказали, что, скорее, это рак выхода желчных протоков в кишку, то есть так называемого большого дуоденального соска, или, еще более отдаленно от нормального языка: рак Фатерова соска, по имени впервые описавшего сей орган анатома. Когда-то в борьбе с преклонением перед Западом был издан декрет, запрещающий называть органы, симптомы, методы и приемы привычными именами открывателей, если эти открыватели родом не из России. Помнится, не избежали и курьезов. В то кафкианское время чего только не случалось. Так, в начале 50-х вдруг отменили симптом Блюмберга при перитоните, заменили симптомом Щеткина. Собственно, не признак изменили, а лишь переименовали. А потом вдруг в журнале появилась статейка, заметочка, что Блюмберг не какой-то там немецкий хлюст, а наш родной харьковский гинеколог. Мол, можно вернуть старое имя. Только ведь ломать – не строить! Менталитет (да простится мне это модное словечко!) народный весьма перегнулся и с того времени и до сего дня с трудом разгибается. Всё еще крючок. И до сего дня пишут врачи «симптом Щеткина», а иногда – так сказать, чуть продвинутые – опускаются (или поднимаются) до «Щеткина-Блюмберга».

Вот такой приблизительно лекцией отреагировал Мишкин на предъявленный ему диагноз. То ли, действительно, философски воспринял приговор, вынесенный ему жизнью, то ли просто бравировал, фанфаронил, так сказать. Кто из нас знает, как встретит фатальный прогноз своего существования? Да никто. Сам про себя наперед этого не знает никто. У Мишкина же на сегодня находились силы на иронию. Если это ирония:

– Умные вы ребята. Думаете, утешили? Был бы тут рак Фатерова, я бы не слабел уже два месяца, – про себя же подумал: «Да ладно. Какая разница. Так решила судьба».

А у друзей свой консилиум. Среди друзей – бывшие ученики, делавшие первые свои хирургические шажки у Жени на дежурствах. Тогда-то он для них был Евгением Львовичем, несмотря на пяти-шестилетнюю разницу в возрасте. Теперь почти сравнялись... возрастом. Только они профессора, а он, хоть и стал для них Женей, все равно остается мэтром, к которому они несут и профессиональные проблемы, и житейские коллизии. Зато для других они теперь Алексей Наумович и Олег Сергеевич. И еще здесь – друзья, хоть и одного с ним возраста и вступавшие в операционные далеко от Жени, но все равно признававшие его абсолютный приоритет. И нынешние помощники – Илья и Вася.

Решали, где и кто будет оперировать Мишкина. Решали, прикидывали, примерялись... И все равно понимали, что окончательное решение примет *Сам*. Но надо перед ним развернуть все карты, все козыри, рассказать, где какой хирург, а где самая богатая технологическая база. Будто *он* всего этого не знал. Он знал всё – и где и кто. Но что-то делать, о чем-то думать, как-то говорить надо. Они и говорили. И выбирали. И приготавливались говорить с ним. И выбирали того, кто будет говорить *с ним*. И понимали, что он-то все понимает сам и не хуже их всех, вместе взятых. Но предварительно надо еще все обсудить со всем семейством врачей – Галей и Сашей. Леной можно пренебречь, хотя и ее связи тоже, может, придется подключить. Да что обсуждать, когда все ясно!

Особые трудности возникают, когда заболевает врач. Бывает, правда, что, попав в ряд больных, человек отключается и перестает быть врачом. Тогда всем много легче. А ему самому? Тоже, наверное, легче. Недаром Мишкин любит повторять сказанное в индусских Ведах еще тысячи лет назад: дураков лечить легче. Хотя больной врач может быть и дураком, но его профессионализм усугубляет всё – и ум, и дурость. Всё, что слишком, – тяжело и дурно. «Неважные дела у нас, ребята», – вынес свой вердикт консилиум друзей.

Да, худо уже, что судьба выбрала именно его.

* * *

Конечно, завершение сюжета нашего повествования, как и любой жизни, заранее известно. Евгений Львович умрет, впрочем, как и все живущие... Только умрет он молодым.

Всего пятьдесят шесть – а он умирает. Ужасно. Но сейчас он еще всем нужен... Еще вчера был нужен всем. А может... Может, есть надежда, что и завтра сумеет понадобится?.. А вдруг бы он остался один – дети бы разъехались по другим городам и странам, или жена вдруг заболела бы, а то и опередила его? И все те, что любят его, благодарны ему, тоже в значительном большинстве своем ушли бы, разъехались или забыли? Сейчас, по крайней мере, он может уйти в ореоле, в атмосфере всеобщей любви. Сейчас его окружает дух добра, любви и благодарности, дружной и бескорыстной помощи... А что ждало бы его после семи-восьми десятилетий жизни?! Ох, слабое утешение... А все-таки утешение...

Да... Всегда и для всех важно, как умрешь, кто будет рядом, какова оркестровка финала. А это зависит от того, какое окружение сумел породить ты всей своей жизнью. И дело не только в близких друзьях, а в атмосфере добра и порядочности, которой дышал ты сам, которую сам породил. Не зря говорит пословица, что за одного битого двух небитых дают. Это из твоих мелких и крупных дел, из твоих побед и поражений (да нет, скорее – только поражений!), из твоей заботы о других и из твоей беззаботности – из всего рождается тот воздух, которым дышат окружающие и который будет улучшать или усугублять тяжесть ухода туда, откуда нет вестей. Ухода... или перехода – покуда мы этого не знаем, а только верим или не верим.

Ни о чем подобном Мишкин не думал... И не должен был думать. В идеале всё получается само – от брюха, не от головы. А получилось ли у него, нет ли, бог весть...

* * *

Алексей Наумович, Леша, сидел в кабинете своего сокурсника, когда-то Фильки, а ныне профессора хирурга Филиппа Александровича.

– Филёк, Мишкина Евгения Львовича знаешь?

– Слыхал. И даже видел однажды на обществе. Чего-то докладывал. Я тогда только кандидатскую защитил. А что? Чего надо?

– У него рак головки панкреас. Желтуха.

– Метастазы?

– На первый просмотр чисто.

– В чем проблема? Оперируй.

– Я?! Мишкина?

– А что? Ты же хирург. Тоже профессор.

– Так это Мишкин! Да и я не тем занимаюсь. Я пришел с тобой посоветоваться. К кому и куда ткнуться?

– Гм! Пожалуй, больше удачного материала у Шувалова, у Паши. А?

– Чего – «а»? Я ж к тебе пришел. Это ты за всей литературой следишь, на вашем обществе, на ученом совете бываешь...

– Ну, я и говорю: Шувалов, наверно. Павел Маратыч... Клиника богатая. Лучшее оборудование. Все есть – все могут.

Филипп был общий хирург, Леша сосудистый. Встречались они теперь лишь на сборах однокурсников, каких-нибудь конгрессах, съездах и симпозиумах или случайно где-нибудь на общей тусовке – впрочем, в описываемое время в профессорских кругах такой термин был еще не в ходу. Или вот, как сегодня, когда нужда приводила бывших однокашников в кабинеты

друг друга. Еще не пришло время, когда они будут встречаться на все учащающихся похоронах однокашников. Но оно всегда не за горами.

– У тебя-то самого всё в порядке? – спросил Филипп.

– Спасибо, в порядке. А ты как?

– Да нормально. А помнишь?

И обоим вдруг вспомнилась давняя институтская история. Дело было на семинаре по какой-то политической дисциплине – у этой лабуды менялись только названия, но суть оставалась неизменной. И был тогда то ли истмат-диамат, то ли основы марксизма-ленинизма, то ли политэкономика, а может, научный коммунизм или не менее научный атеизм. Короче, шел один из уроков, на которых из них выстраивали «нового советского человека», «настоящего советского врача». Собственно, и был-то совершенный пустяк. Леша просто хотел поиграть интеллектом. Не знал по молодости, что это разрешалось далеко не всем, вот и ляпнул лишнее: когда зашла речь о *трех источниках и трех составных частях* уж кто его сейчас вспомнит чего, провел аналогию со словами «пророка» о трех составляющих человека – мол, тело, интеллект, душа... Преподаватель не успел осмыслить Лешин постулат и лишь рот открыл, а расшалившийся студент тем временем продолжил, заявив, что тело – это физиология и анатомия, интеллект – знания и ум, а душа – личная нравственность, а не общественная мораль. В зашоренный мозг институтского марксиста всё это не влезало. А уж когда прозвучало слово «душа», он и вовсе, показалось всем, сейчас проглотит несчастного Лешу. Ну и понятно, начались шабаши по комсомольской линии, и уже готовилась для Леша очередная в институте вальпургиева ночь. Да, по счастью, нашлись у Лешиних родителей некие влиятельные знакомцы. Где-то кто-то что-то как-то цыкнул... и все утихло, но осталось в душах всех участников. У студентов и у преподавателей не всегда с одинаковыми знаками. Впрочем, и внутри студенческого общества, в душах людей, еще не полностью сформировавшихся, по-разному наследил этот довольно стандартный для тех времен эпизод.

Во всяком случае, теперь, спустя четверть века, есть о чем вспомнить ребятам. Есть прекрасный повод, зайти куда-нибудь, взять по рюмочке и потрепаться по системе: «А помнишь»... Жизнь-то продолжается.

– М-да, жизнь продолжается. Может, Леш, посидим где-нибудь?

– Ага, посидишь ты сейчас! Придумали очередную борьбу за светлое будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.